XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

6.

Стр.

161. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1825-й годъ.

239. Историко-литературныя мелочи. („Бранденбургская исторія".—М. В. Зубова.—Майковъ и Херасковъ.—Н. И. Новиковъ.—Карамзинъ.—Театръ въ Черниговѣ и Харьковѣ.—Замѣтки о Пушкинѣ). **В. В. Каллаша.**

255. Иванъ Яковлевичъ Корейша. **В. И. Грачева.**

262. Изъ Записокъ **М. С. Сабининой** (1856—1857).

278. Изъ Дневника ротнаго командира **И. И. Гладилова.**

293. Синодъ Сенату о гибели Московскаго архіепископа Амвросія (1771).

296. Къ жизнеописанію митрополита Платона (1771).

297. Письмо **И. С. Аксакова** изъ Москвы въ Орловскую деревню (Апрѣль 1861) объ отмѣнѣ крѣпостнаго права.

300. Профессоры-масоны въ Московскомъ Университетѣ (1826). **Д. М. Щепкина.**

Въ приложеніи.

Дневникъ статсъ-секретаря Екатерины Великой А. В. Храповицкаго. Новое изданіе. 1788-й годъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

РОСТОВ 26516 МУЗЕЙ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1856-й годъ [1]).

1-го Октября. Праздновали 50-тилѣтній юбилей графини Фритчъ. Она сперва была фрейлиной у нашей великой княгини Маріи Павловны, а по смерти графини Генкель-Доннерсмаркъ въ 1840-мъ году, назначена была оберъ-гофмейстериной. Маленькая, горбатая и очень умная особа, она была несказанно предана нашей великой княгинѣ и принадлежала къ столпамъ Веймарскаго двора. При всѣхъ большихъ праздникахъ она сопровождала нашу великую княгиню въ церковь (въ обыкновенные—ей сопутствовала одна изъ ея фрейлинъ, а въ дни тяжелые по воспоминаніямъ, какъ дни смерти ея царственныхъ родителей, Екатерины II-й и пр., великая княгиня всегда брала съ собою въ церковь Мавру Петровну Соколову).

9-го Ноября. Моя сестра Елена была въ перепискѣ съ писательницей, Кларой фонъ-Глюмеръ, съ которой я познакомилась въ Кёзенѣ, когда Елена тамъ лечилась. Вотъ что она ей писала обо мнѣ: Признавалась ли я вамъ въ томъ, что было со мной по отношенію вашей сестры Марты? Вы, можетъ быть, знаете, что въ первый разъ я увидѣла ее въ прошломъ году у Судермана. Она была довольно молчаливой, показалась мнѣ очень молодой и, какъ слѣдуетъ быть благовоспитанной молодой дѣвушкѣ, подобною альбому съ бѣлыми листами, которые испишетъ будущій супругъ и повелитель. Потомъ, когда въ Кёзенѣ я услыхала ея игру, я сейчасъ же поняла, что ошиблась: такъ высказывается только душа, которая соединяетъ въ себѣ богатыя дарованія и ясную волю. Но хорошо я узнала вашу Марту лишь въ послѣднюю четверть часа на вокзалѣ. Я не знаю, все-ли вы замѣтили; но это мелькнуло подобно молніи, и тогда я узнала, что она не только обладаетъ богатыми дарованіями и ясной волей, но что въ ней есть и еще что-то другое, очень рѣдкое, чего я не могу обозначить иначе, какъ выраженіемъ: расположеніе къ великому. Подъ этимъ я не под-

---

*) См. первую книгу „Р. Архива“ сего года, стр. 119 и 520.

разумѣваю права на славу, это уже пріобрѣтается однимъ талантомъ. Прошу васъ, понимайте меня, а пока я постараюсь припомнить, какъ-бы это можно было получше выразить».

7-го Декабря. Былъ у насъ Сергѣй Александровичъ Рачинскій, изъ Смоленска; онъ поступилъ студентомъ въ Іенскій университетъ, главнымъ образомъ для того, чтобы слушать лекціи извѣстнаго ботаника, профессора Шлейдена. Шлейденъ былъ очень ученый ботаникъ и добрый человѣкъ. Жена, его, рожденная Морецалъ изъ Дрездена, была менѣе пріятна и казалась очень эксцентричной особой, гораздо моложе его, и про нее говорили, что она просто поймала своего мужа. У Шлейдена въ серединѣ лба былъ значительный шрамъ, развѣтвлявшійся въ разныя стороны: онъ пробовалъ застрѣлиться, но остался живъ. Очень странное, вѣроятно, чувство испытываетъ человѣкъ, который пробовалъ умереть и не умеръ.

20-го Декабря. Мама и я уѣхали въ Россію. Наканунѣ я прощалась съ великой княгиней, а утромъ и вечеромъ была у Листа, который снабдилъ меня письмомъ къ графу Віельгорскому и, со всякими пожеланіями, отпустилъ меня въ Россію.

Изъ Веймара мы выѣхали въ 3 часа утра, а въ 11 часовъ утра пріѣхали въ Берлинъ. Тамъ посѣтили мы Іоанну Вагнеръ и обѣдали у нея, при чемъ познакомились съ женихомъ ея, Яхманомъ. Она была мила и любезна, какъ всегда. Въ 5 часовъ въ Берлинъ пріѣхала Тони Ф.-Шеве съ мужемъ; мы всѣ такъ рады были видѣться. Въ 11 часовъ вечера мы отъѣзжали въ Кёнигсбергъ, а она насъ провожала. При видѣ массы шубъ и теплыхъ вещей, которыя мы съ собой брали, она очень надъ нами смѣялась: мы считали невозможнымъ ѣхать безъ нихъ; она же не понимала, какъ можно пускаться въ путь съ такой обузой. На слѣдующій вечеръ, въ 9 часовъ, мы были въ Кёнигсбергѣ, гдѣ рѣшили отдохнуть одинъ день, а затѣмъ 22-го Декабря вечеромъ отправились дальше, въ Тильзитъ, куда прибыли въ половинѣ двѣнадцатаго. Изъ этого города пришлось перейти черезъ Нѣманъ, чтобы въ опредѣленное время быть въ Таурогенѣ, гдѣ наши мѣста въ почтовомъ экипажѣ были задержаны за шесть недѣль впередъ (да и то мы ихъ получили съ большимъ трудомъ: столько было желающихъ ѣхать въ Россію). Но бѣда была въ томъ, что Мемель и его рукавъ предстояло перейти, такъ какъ рѣка сначала замерзла, затѣмъ настала оттепель, толстый слой льда тронулся и опять сталъ, вслѣдствіе чего вся поверхность рѣки представляла хаосъ большихъ и маленькихъ ледяныхъ глыбъ; переѣхать рѣку на лодкѣ было немыслимо (лодку-бы затерло), въ саняхъ на лошадяхъ также невозможно; оставалось только одно—перебраться пѣшкомъ. Нашелся услужливый

Жидъ, который, за пятьдесятъ червонцевъ, согласился помочь намъ перебраться на ту сторону. Мы рѣшили переночевать въ Тильзитѣ и, собравшись съ силами, начать свой переходъ черезъ Мемель. Я главное боялась, выдержитъ ли этотъ трудный путь моя мать; сама я была молода и скорѣе была способна на такую отважную штуку. Въ 8 часовъ утра 12-го (24) Декабря, перекрестившись, мы отправились въ путь. Я не знаю, сколько часовъ мы ходили, но въ Таурогенъ мы пришли въ изнеможеніи. Прогулка наша была незавидная: холодный вѣтеръ сопровождалъ насъ все время на рѣкѣ, но самой утомительной была неровность ходьбы: намъ приходилось то взбираться на глыбу, то спускаться съ нея, то переходить черезъ трещину, въ которой виднѣлась вода и стараться не поскользнуться. Притомъ, съ непривычки, тяжелая, длинная шуба очень затрудняла наши движенія и замедляла походку. Каждая изъ насъ имѣла проводника, который въ случаѣ нужды поддерживалъ насъ. Прибывъ въ Таурогенъ, мы отдохнули и въ половинѣ седьмого вечера сѣли въ дилижансъ, огромную карету, въ родѣ дома, на крышѣ которой былъ наваленъ весь багажъ ѣхавшихъ въ ней. Не смотря на шубы, плэды и тонкую перину, ночью сѣверный холодъ былъ очень чувствителенъ, и, какъ нервная натура, я мерзла больше всѣхъ.

13-го (25) Декабря, въ 5 часовъ вечера, пріѣхали въ Мемель, въ 12 ночи въ Ригу, гдѣ остановились на два часа, чтобы собрать всѣ свои вещи, такъ какъ надо было пересаживаться въ другую почтовую карету, которая стояла на противоположномъ берегу, и рѣку опять пришлось перейти пѣшкомъ, да вдобавокъ еще ночью. Насъ сопровождали люди съ фонарями. Мы благодарили Бога, когда благополучно перешли рѣку и сѣли въ карету. Но не отъѣхали мы и трехъ верстъ отъ города, какъ наша карета опрокинулась въ канаву. Насъ вынули изъ кареты; къ счастью никто не ушибся. Но не такъ-то легко было поднять карету: три часа ходили мы взадъ и впередъ по шоссе; наконецъ, пришелъ народъ, съ его помощью вытащили карету, и мы, скрѣпя сердце, опять забрались въ эту большую махину. Но, слава Богу, дальнѣйшее путешествіе шло болѣе гладко. Въ Вильну пріѣхали 14-го (26) Декабря, въ 5 часовъ вечера; оттуда почтовый трактъ шелъ на Дерптъ, куда мы прибыли 15 (27) Декабря, въ 10 часовъ утра. Была страшная гололедица, карета катилась изъ стороны въ сторону: незавидное катанье, и особенно для меня, которая не только не любила, но и очень боялась ѣзды на лошадяхъ. Вечеромъ проѣхали мимо озера Пейпуса. Всю ночь продолжалась сильная метель. Вообще всѣ прелести зимы сопутствовали намъ въ этомъ путешествіи, и я вдоволь съ ними познакомилась. На другой день, 16 (28) Декабря, въ поло-

винѣ перваго, мы благополучно прибыли въ крѣпость Нарву. Снѣгъ былъ такой глубокій, что ѣзда на колесахъ оказалась невозможной и мы пересѣли въ почтовую карету, устроенную на полозьяхъ. Въ 5 часовъ вечера мы были въ Ямбургѣ, гдѣ еще разъ намъ пришлось пѣшкомъ перейти рѣку. Все это мнѣ казалось удивительнымъ и неблагоустроеннымъ; странно было, что, заплативъ за мѣста въ почтовой каретѣ, мы ѣхали по кусочкамъ, а по рѣкамъ должны были прогуливаться пѣшкомъ, и это зимою! Но всему для насъ новому не было еще конца. Когда, послѣ нашей прогулки по рѣкѣ, мы опять сѣли въ карету, которая, впрочемъ, была очень удобна (хотя по своему объему не внушала мнѣ большаго довѣрія), дорога оказалась невозможной: ухабъ за ухабомъ, наша громадина вваливалась въ нихъ и только благодаря чувствительному внушенію, лошади вытаскивали ее опять на скользкую дорогу. На слѣдующій день (17 (29) Декабря) утро было морозное. Мы приближались къ Петербургу. Сквозь зимній туманъ издали виднѣлся куполъ Исаакіевскаго собора, затѣмъ блеснули золотистыя главы другихъ, менѣе высокихъ церквей. Солнце старательно пробиралось сквозь туманную атмосферу. Картина была очаровательна и для меня нова, такъ какъ видѣть это можно только на Сѣверѣ. Не смотря на это, я очень обрадовалась, когда, въ $7\frac{1}{2}$ часовъ утра, карета наша остановилась передъ Петербургскимъ почтамтомъ: мнѣ было достаточно всѣхъ пережитыхъ мною новыхъ ощущеній и волненій.

Въ Петербургѣ мы остановились у тётеньки, М. Т. Кочетовой, а подъ вечеръ мы имѣли радость видѣть моихъ братьевъ, Степана и Василія, пріѣхавшихъ къ намъ изъ Педагогическаго Института, гдѣ они оба учились. Бѣдные мальчики были такъ рады насъ видѣть: имъ трудно было привыкать къ Петербургской жизни, климату и къ разлукѣ съ семьею, особенно брату Степану; онъ былъ истый семьянинъ и большой любитель музыки, которая въ нашемъ домѣ была какъ хлѣбъ насущный.

Отдохнувъ одинь день, 18 (30), мы начали свои визиты. Я пріѣхала въ Россію, чтобы представить свой талантъ на судъ публики, и мнѣ надо было познакомиться съ этой публикой. Сперва отыскали мы нашу старую Веймарскую знакомую, Ю. К. Родофиникину, рожд. Фелейзенъ, сестру секретаря нашей великой княгини. Затѣмъ видѣлись съ Анной Ѳедоровной Тютчевой, фрейлиной Ея Величества и племянницей нашего министра-резидента въ Веймарѣ, барона Мальтица. У меня были письма къ ней, и такъ какъ я знала ее еще прежде, то была рада съ нею видѣться; но страхъ мнѣ задавали безконечные корридоры и залы Зимняго дворца. Отъ нея мы отправились къ фрейлинѣ принцессы Ольденбургской, Вѣрѣ Арсеньевнѣ Бартеневой. Вечеромъ того же дня

принцъ Петръ Ольденбургскій пригласилъ насъ къ себѣ. Его высочество еще раньше зналъ и мою мать, и меня, и когда сестры мои были въ Смольномъ, удѣлялъ имъ особое вниманіе. Онъ представилъ насъ своей супругѣ, принцессѣ Терезѣ Ольденбургской. Всѣ его дѣти находились тутъ же. Я играла и, кромѣ насъ, былъ еще офицеръ Половцевъ, музыкантъ, тоже игравшій на роялѣ.

19-го (31) Декабря. Я познакомилась съ женой моего двоюроднаго брата Р. А. Кочетова, Александрой Доремидонтовной, и слышала ея пѣніе, которое, хотя немного холодное, мнѣ очень понравилось.

1857-й годъ.

2-го Января (21 Декабря 1856 г.). Поѣхали въ Зимній дворецъ къ Аннѣ Алексѣевнѣ Окуловой, къ княгинѣ Куракиной, къ А. Гензельту, къ г-жѣ Половцовой, къ А. Д. Кочетовой, пообѣдали у Ю. К. Родофиникиной, гдѣ встрѣтились съ Софіей Карловной фонъ-Отерштетъ, женой Прусскаго посланника въ Дармштатѣ, которая впослѣдствіи развелась съ мужемъ и вышла за доктора Ея Величества, Гартмана. Разъѣзжая цѣлый день по городу, домой я вернулась совсѣмъ измученной: голова пустая, кости разбиты.

3-го Янв. (22 Дек. 1856 г.). Видѣлась съ Гензельтомъ, который былъ со мною очень любезенъ, много распрашивалъ про Листа и про все музыкальное въ Германіи. Его жена съ грустью распрашивала меня о своихъ четырехъ дѣтяхъ, которыхъ она во время оно оставила въ Веймарѣ, когда послѣдовала за Гензельтомъ. Ихъ участь была очень горька и, должно быть, это тяжелымъ бременемъ ложилось на ея душу; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалось. Отъ Гензельта у нея былъ одинъ сынъ, офицеръ Прусской службы; странно, что отецъ не только не помѣстилъ его въ Россіи, но, напротивъ, купилъ еще себѣ въ Пруссіи большое имѣніе, гдѣ часто бывалъ лѣтомъ.

Въ этотъ день мы были у дяди, М. И. Богословскаго, и у фрейлины великой княгини Екатерины Михайловны, г-жи Штрандманъ, которая приняла меня очень любезно. Вернувшись домой, мы нашли у насъ Юлію и Изабеллу Грюнбергъ; первая—піанистка, ученица Гензельта, вторая—пѣвица, бывшая одно время пѣвицей при дворѣ великой княгини Елены Павловны. Онѣ были Еврейскаго происхожденія и очень малы ростомъ; Изабеллу прозвали сфинксомъ. Мы знали ихъ еще въ Веймарѣ, куда онѣ пріѣзжали съ матерью, и тогда Юлія играла у нашей великой княгини Маріи Павловны. Онѣ обѣ были дѣвушки талантливыя и хорошо образованныя. Старшая изъ нихъ была въ перепискѣ съ моей сестрой Елисаветой, и когда послѣдняя жила въ Петербургѣ, онѣ часто видались.

Обѣдали мы у А. Д. Кочетовой, потомъ поѣхали къ А. А. Окуловой, гдѣ познакомились съ Василіемъ Борисовичемъ Бажановымъ, духовникомъ Ихъ Величествъ, бывшимъ товарищемъ моего отца по Академіи; онъ былъ человѣкъ умный, добрый, сдержанный, почти нигдѣ не бывалъ, кромѣ какъ по дѣламъ службы, и держался очень въ сторонѣ. Вечеромъ я поѣхала съ Анной Алексѣевной Окуловой къ г-жѣ Титовой, прибывшей изъ Штутгарта въ Петербургъ. Хозяинъ дома, В. П. Титовъ, служившій, какъ дипломатъ, въ Штутгартѣ, Константинополѣ и Неаполѣ, въ то время состоялъ воспитателемъ при Цесаревичѣ и при Великихъ Князьяхъ Александрѣ и Владимирѣ Александровичахъ. Быть дипломатомъ не такъ трудно, какъ быть хорошимъ педагогомъ, особенно наслѣдника престола. Титовъ обладалъ даромъ слова; но я, часто видавшая его и прежде, не могла себѣ выяснить, сколько ума и глубокихъ познаній, нужныхъ воспитателю, скрывалось подъ этимъ ловкимъ, салоннымъ разговоромъ.

У Титовыхъ встрѣтила я князя Петра Андреевича Вяземскаго. Извѣстный поэтъ и въ то время товарищъ министра народнаго просвѣщенія, князь былъ очень пріятенъ и простъ въ обхожденіи. Подчиненные князя очень любили: онъ былъ доступенъ для каждаго, старался развить болѣе свободы дѣйствій и самостоятельности въ молодежи, говоря, что молодые люди не могутъ жить какъ монахи. Фигура князя была довольно тучная и грубая, лицо некрасиво, но при его добротѣ и привѣтливости это не замѣчалось и забывалось. Судя по городскимъ толкамъ, онъ былъ не особенно счастливъ. Его единственная дочь была замужемъ за министромъ Валуевымъ, но скоро скончалась; сынъ же шелъ сперва по дипломатической карьерѣ, былъ въ Карлсруэ и женился на красивой вдовѣ Бека, Маріи Аркадьевнѣ, рожденной Столыпиной.

Я не могу сказать, до чего добръ и милъ былъ князь Петръ Андреевичъ для моихъ братьевъ, Степана и Василія, тогда студентовъ Педагогическаго Института. Когда Василій заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, мать и я находились въ Москвѣ. Князь не только позаботился призвать врачей-спеціалистовъ и объ улучшеніи пищи для больного, но и самъ очень часто навѣщалъ его.

Князь желалъ какъ можно скорѣе отправить Василія за границу, на воды, выхлопоталъ ему на путешествіе денежное пособіе изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и требовалъ, чтобы директоръ института, Давыдовъ, снабдилъ его еще средствами изъ запасныхъ суммъ института. Василій былъ выдающійся, талантливый студентъ: въ душѣ педагогъ, онъ отлично зналъ древніе языки, обладалъ большими познаніями и живымъ умомъ, и его, какъ и Степана, очень любили и князь, и товарищи. Давыдовъ отказался выдать пособіе; князь

такъ разсердился, что не принялъ его, когда на слѣдующій день Давыдовъ къ нему явился, а попросилъ княгиню переговорить съ нимъ. Къ несчастью, это воспаленіе довело брата Василія до чахотки, и черезъ годъ его не стало: онъ скончался въ Римѣ.

Князь Вяземскій меня, какъ одну изъ первыхъ Русскихъ женщинъ-артистокъ, очень поддерживалъ и со многими познакомилъ.

4-го Января (23 Дек. 1856). Я поѣхала въ Сенатскую церковь слушать пѣвчихъ. Пѣли чисто и хорошо, какъ и многіе другіе хоры въ Петербургѣ; однако того идеальнаго, серьезнаго церковнаго пѣнія, съ тонкими оттѣнками, какое я себѣ представляла, я не нашла. Но по голосамъ и ансамблю они стояли гораздо выше, чѣмъ всему міру извѣстная Сикстинская капелла. Около вечера я играла у себя, когда въ комнату вдругъ вошелъ какой-то господинъ; я встаю отъ фортепіано, а онъ мнѣ говоритъ: «Ты меня не узнаёшь?» Это былъ мой старшій братъ Дмитрій, уѣхавшій изъ Веймара въ Москву въ 1843 г. Онъ такъ измѣнился, что его нельзя было узнать.

6-го Января (25-го Декабря 1856). Мы были у дяди Ивана Васильевича Рождественскаго, оставившаго дворъ великой княгини Маріи Николаевны... и его пригласили законоучителемъ къ августѣйшимъ дѣтямъ Его Величества. Дядя былъ умный человѣкъ, хорошій законоучитель и, не смотря на свое упрямство, даже очень добрый человѣкъ и много помогалъ, какъ своимъ бѣднымъ родственникамъ, такъ и чужимъ людямъ. Онъ былъ честолюбивъ, но безъ этого и хорошія качества часто не становятся хорошими, и большія дарованія не вырабатываются.

Навѣстилъ меня Гензельтъ. Мнѣ грустно было смотрѣть на Гензельта, ради денегъ превратившагося изъ хорошаго артиста въ механическаго учителя, и этимъ занятіемъ уничтожившаго въ себѣ всякую струйку поэзіи. Давать уроки съ утра до вечера притупляетъ наконецъ умъ и чувство, и этимъ отнимается у учителя возможность вдунуть музыкальное чувство высшаго полета въ души своихъ учениковъ, которые всѣ однородно играютъ,—чисто, съ правильной аппликатурой и въ тактъ, но безъ малѣйшаго вдохновенія и безъ души, точно они родились безъ нея.

7-го Января (26-го Декабря). Я была у графини М. Г. Разумовской, къ которой у меня было письмо, да кромѣ того князь П. А. Вяземскій лично меня рекомендовалъ ей, какъ любительницѣ музыки. Тогда уже совсѣмъ старуха (она родилась въ 1772-мъ году, слѣдовательно ей было 85 лѣтъ), она встрѣтила мою мать и меня, стоя посреди своей гостиной, затянутая въ корсетѣ, въ шелковомъ коричневомъ платьѣ, сшитомъ по послѣдней модѣ. Она такъ бодро передви-

галась съ мѣста на мѣсто, что никогда-бы я не подумала, что ей столько лѣтъ. Рожденная княжна Вяземская, она очень молодой была выдана замужъ за извѣстнаго самодура и расточителя, князя Голицына, внука героя Полтавской битвы. Молодая, красивая княгиня была не въ силахъ удержать своего мужа отъ окончательнаго разоренія. Въ это критическое для нихъ время въ Москвѣ поселился графъ Л. К. Разумовскій (род. 1757-го года), владѣлецъ Петровско-Разумовскаго, громаднаго имѣнія на Югѣ Россіи и т. д. Графъ Разумовскій, семнадцати лѣтъ отъ роду, былъ причисленъ къ посольству князя Репнина, отправленному въ Константинополь, затѣмъ поступилъ на военную службу, въ 1782-мъ году назначенъ генералъ-адъютантомъ князя Потемкина, служилъ еще при Суворовѣ, а въ 1796-мъ году вышелъ въ отставку. Онъ часто бывалъ и жилъ за границею, любилъ науку, искусства и все изящное, и, когда онъ поселился въ Москвѣ, тамошнее общество его очень полюбило; да и было за что: красивый, очень образованный и изящный вельможа задавалъ обществу праздники въ своемъ домѣ на Тверской (нынѣ Англійскій клубъ). Онъ былъ большой поклонникъ дамъ и не могъ не замѣтить миловидной, но очень несчастной княгини М. Г. Голицыной, мужъ коей былъ его хорошій знакомый и состоялъ въ родствѣ съ его семействомъ. Разумовскій сдѣлалъ съ Голицынымъ полюбовный уговоръ; разводъ княжеской четы состоялся и, въ 1802-мъ году, графъ Разумовскій обвѣнчался съ кн. М. Г. Голицыной. Эта противозаконная свадьба, при живомъ мужѣ, раздѣлила Московское общество на два лагеря; но время предало забвенію незаконность поступка графа Разумовскаго, особенно послѣ того, что, въ 1809-мъ году, императоръ Александръ I, будучи на балу у гр. Гудовича, подошелъ къ М. Г. и пригласилъ «графиню» на полонезъ. Въ 1818-мъ году графъ скончался, имѣя 61 годъ отъ роду; она пережила его на 47 лѣтъ и скончалась въ 1865-мъ году, 93-хъ лѣтъ. По смерти мужа, она продала бо́льшую часть имѣній; оставалась между прочимъ Карловка. Не находя покупателя на такое громадное имѣніе, она, въ виду своихъ преклонныхъ лѣтъ, предложила великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ взять Карловку съ тѣмъ, чтобы до смерти графини великая княгиня платила ей ежегодно извѣстную сумму доходности этого имѣнія, если не ошибаюсь, 100 тысячъ рублей.

8-го Января (27-го Дек. 1856). Графиня пригласила мою мать и меня къ себѣ вечеромъ. Тамъ впервыя увидѣла я Петербургскій «grand monde». Сама графиня была декольте и обвѣшана брилліантами. Ея гостиныя были переполнены гостями, даже сѣсть къ роялю было очень трудно. Къ счастью, среди приглашенныхъ были А. Ѳ. Тютчева, князь П. А. Вяземскій, В. П. Титовъ и В. А. Бартенева, которыхъ я знала.

Я начала играть, около рояля собралась кучка любителей музыки; но остальные, находившіеся въ гостиной, стали говорить такъ громко, чтобы музыка не помѣшала ихъ разговору, что я невольно вспомнила, какъ совершенно иначе слушаютъ музыку въ Германіи. Понемногу гулъ стихъ, и тогда только я была въ состояніи слышать свою собственную игру. Тутъ я поняла, на какой степени развитія стоитъ музыка въ моемъ дорогомъ отечествѣ.

10-го Января (29 Декаб. 1856). У А. Д. Кочетовой встрѣтила я Ивана Ѳемистокловича Нейлисова, ученика Гензельта; позднѣе онъ бывалъ въ Веймарѣ и пользовался совѣтами Листа. Онъ былъ образованный человѣкъ, игра его была мягка и отчетлива, но здоровье его вообще было слабо, и онъ страдалъ сердцемъ, какъ часто бываетъ у артистовъ. Его характеру не была чужда иронія, которая иногда ѣдко выражалась въ его критикѣ. Съ А. Д. Кочетовой я поѣхала къ князю Владимиру Ѳеодоровичу Одоевскому и его супругѣ, рожденной Ланской, сестрѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ. Они неоднократно бывали въ Веймарѣ, гдѣ я съ ними познакомилась. Князь, съ тонкимъ умомъ и изящной натурой, соединялъ въ себѣ рѣдкое знаніе и разные таланты: глубокій знатокъ всего классическаго въ музыкѣ, художественнаго въ искусствѣ и замѣчательнаго въ литературѣ и наукахъ. Ничто не ускользало отъ него. Онъ былъ живой энциклопедіей. Князь игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ, сочинялъ музыку, а объ авторскихъ трудахъ его нечего и говорить: посредствомъ печати они стали общимъ достояніемъ. Онъ былъ рѣдкій химикъ, медикъ и ботаникъ, а кулинарное искусство зналъ лучше всякаго Вателя: къ его услугамъ всегда была походная кухня, на которой онъ самъ изощрялся; словомъ, онъ все зналъ и, по возможности, исполнялъ. Но всѣ его затѣи немало стоили денегъ и не могли гармонировать со вкусами княгини, которая часто смотрѣла на своего мужа, какъ на фантазёра. Гдѣ-бы мы ни встрѣчались, онъ всегда былъ очень добръ для меня, поощрялъ мое рвеніе къ музыкѣ и своими совѣтами способствовалъ моему дальнѣйшему развитію. Онъ жилъ въ то время въ Петербургѣ, въ Румянцовскомъ Музеѣ. Войдя къ нимъ, я очутилась въ большой залѣ артистичнаго вида: она до потолка была завалена книгами, нотами и папками, висѣли струнные и духовые инструменты, стояли рояли, столъ съ ретортами и всевозможными склянками, походная кухня, и чего только тамъ не было; словомъ, я попала въ кабинетъ ученаго и артиста.

На слѣдующій вечеръ моя мать, А. Д. Кочетова и я были у Одоевскихъ. Мы весь вечеръ пѣли и играли: съ такимъ знатокомъ пріятно музицировать.

15-го (3-го) Января. Я посѣтила г-жу Лешетицкую и ея мужа. Какъ дѣвица Фридбергъ, она была пѣвицей при дворѣ великой княгини Елены Павловны. Ея голосъ имѣлъ въ объемѣ одну октаву, но съ этимъ маленькимъ голосомъ она дѣлала невозможное возможнымъ. Ея пѣніе было какъ чистая чеканка, но недоставало души. Государь Александръ II-й мнѣ разъ сказалъ: «Je n'aime pas son chant, il est trop froid». («Я не люблю ея пѣнія, оно слишкомъ холодно»). Лешетицкій, піанистъ Вѣнской школы, какъ исполнитель и учитель, имѣлъ большой успѣхъ въ Петербургѣ; но я не очень любила его нервную, отрывистую игру, внутренняя сторона которой одинъ разсчетъ, безо всякой жизни и поэзіи. Такую бездушную, ничего не говорящую, чисто-механическую игру и пѣніе я часто еще встрѣчала въ Петербургѣ, и наконецъ спрашивала себя: не вліяніе ли это Петербургскаго сѣраго неба? Или, быть можетъ, недостаетъ общаго тщательнаго образованія, необходимаго каждому хорошему артисту.

4-го (16-го) Января. А. Д. Кочетова поѣхала со мною къ Алексѣю Ѳеодоровичу Львову, директору придворной Пѣвческой Капеллы, чтобы присутствовать на репетиціи его оперы «Ундина», текстъ которой, сколько мнѣ извѣстно, заимствованъ изъ поэмы Жуковскаго. Львовъ прислалъ мнѣ печатную программу оперы, въ видѣ брошюры, для ознакомленія съ содержаніемъ оперы и безпрепятственнаго входа на будущія репетиціи въ залѣ Пѣвческой Капеллы. Въ первый разъ видѣла я подобное либретто. Сперва былъ списокъ дѣйствующихъ лицъ:

Герцогъ	Тальяфико.
Бертальда	А. Д. Кочетова.
Рыцарь	Кальцолари.
Гольдманъ	Рожновъ, регентъ придворн. пѣвч.
Берта	
Ундина	Г-жа Невѣдомская.
Водопадъ	Лаблашъ.
Родольфъ	
Освальдъ	Кальцолари.

Хоры пѣли придворные пѣвчіе.

Весь текстъ изложенъ прозою въ видѣ разсказа, но пѣли стихами. Почему именно либретто печаталось прозою, а не стихами, какъ пѣли, я себѣ не могла хорошо объяснить.

У г-жи Невѣдомской былъ большой голосъ—сопрано, но уже не первой свѣжести; притомъ партія ея была довольно обширная и утомительная.

Кальцолари и Лаблаша я до того дня никогда не видала и не слыхала. Кальцолари, со своимъ мягкимъ теноромъ, пѣлъ совсѣмъ музыкально: по окончаніи его пѣнія, у меня осталось очень пріятное, спокойное чувство. Въ его манерѣ пѣть было что-то законченное, са-

мостоятельное, не смотря на то, что голосъ его былъ не очень силенъ и не очень обширенъ. Надо полагать, что онъ много учился. Лаблашъ поражалъ своей тучностью. Чтобы разъѣзжать по городу, у него была особая, заказанная по немъ, карета, съ широкими дверцами и сидѣньемъ, такъ какъ въ обыкновенный экипажъ онъ не могъ сѣсть. Когда онъ садился въ гостиной у Львовыхъ, ему ставили два стула, одинъ возлѣ другого, и это ему было едва только въ пору. Голосъ Лаблаша, густой и очень обширный басъ, при такой мощности, былъ удивительно обработанъ. Легкость, съ которою онъ исполнялъ всякія фіоритуры и колоратуры, была подобна его подвижности на сценѣ: какъ Лепорелло, или въ Севильскомъ Цирюльникѣ, тучный старикъ двигался такъ живо и граціозно, что иной юноша могъ-бы ему позавидовать.

Мнѣ интересно было слышать оперу Львова, такъ какъ сама я только-что окончила свою оперу «Лорелей»; сюжеты обѣихъ оперъ драматическіе, оба взяты изъ рѣчныхъ сказокъ, Дуная и Рейна. Музыка Львова оказалась интересна, но, по моему, не довольно характерно передана въ ней рѣчная жизнь. Львовъ былъ отличный скрипачъ. Какъ композиторъ, онъ много занимался пересмотромъ и переложеніемъ церковнаго обихода для придворныхъ пѣвчихъ; это его самая крупная работа и большая заслуга, такъ какъ она способствовала поднятію церковнаго пѣнія въ Россіи. Кромѣ него, и одновременно съ нимъ, на этомъ поприщѣ работалъ и Ломакинъ; можно только сожалѣть, что, благодаря ихъ личному несогласію, такіе два таланта работали каждый врозь. «Stabat mater» Львова принадлежитъ также къ его выдающимся работамъ, а его народный гимнъ «Боже Царя храни» увѣковѣчилъ его имя.

При его преемникѣ Бахметевѣ хоръ на много опустился, голоса бывали усталые, не было той свѣжести, какъ при Львовѣ. Также и ритмически хоръ ослабѣлъ; словомъ, онъ потерялъ характеръ церковнаго хора. Когда въ 1886 году я присутствовала въ дворцовой церкви въ Ливадіи, при Пасхальной заутрени и обѣднѣ, я была поражена, какъ Балакиревъ поднялъ хоръ, скажу даже, что при немъ хоръ сталъ лучше, чѣмъ былъ при Львовѣ. Пѣли стройно, чинно, съ нѣжными оттѣнками, и впечатлѣніе, полученное мною, было глубокое. Также въ гармоническомъ отношеніи были измѣненія въ напѣвахъ и ритмѣ, послужившія только къ правильной постановкѣ церковнаго пѣнія.

13-го (25) Января. Въ магазинѣ Я. Беккера, куда я часто ѣздила, чтобы упражняться на его роялях, я дала rendez-vous А. Гензельту и Лешетицкому, которые просили меня играть. Предоставить себя ихъ критикѣ было для меня не такъ легко, какъ могло казаться. Я хорошо знала, что Ли́стовской школѣ предстоитъ еще проложить себѣ дорогу, и я была одна изъ первыхъ его ученицъ, которая явилась въ Петер-

бургъ. На Листа большей частью смотрѣли какъ на великаго артиста-исполнителя, но отрицали въ немъ способность быть хорошимъ учителемъ. Отъ него, дѣйствительно, нельзя было требовать, чтобы онъ былъ педантичнымъ Schulmeister'омъ, который отмѣчаетъ каждый палецъ, коимъ слѣдуетъ брать ноту, или вслухъ считаетъ тактъ, или столько разъ проходитъ одинъ періодъ или фразу съ ученикомъ, пока тотъ не овладѣетъ ими, и т. д. На это, дѣйствительно, Листъ не былъ способенъ. Но нельзя сказать, чтобы Листъ не касался этихъ вопросовъ, входящихъ въ программу предварительной школы; онъ указывалъ на аппликатуру, которую употреблялъ, напримѣръ: трель съ большимъ и третьимъ пальцами, вмѣсто указательнаго и третьяго, при повтореніи одной ноты нѣсколько разъ, удареніе ея различными пальцами, а не однимъ и тѣмъ же; постановка большого пальца на черныя клавиши при быстрыхъ пассажахъ; онъ даже отмѣчалъ свою аппликатуру на цѣлыхъ трудныхъ пассажахъ и т. д.; но это онъ дѣлалъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Вообще онъ принималъ учениковъ, которые предварительно уже прошли основательную механическую школу. Главною его задачей было музыкальное развитіе общества посредствомъ своихъ учениковъ. Механическихъ піанистовъ много; сегодня ихъ слышишь, а завтра забываешь, потому что ихъ игра не даетъ пищи ни уму, ни сердцу. Листъ былъ врагъ всякой шаблонности и такихъ музыкантовъ, и порицалъ ихъ передъ своими учениками, указывая имъ на причины подобной игры. Онъ уяснялъ имъ характеръ и передачу твореній композиторовъ, указывалъ на ихъ особенности и заслуги, при чемъ требовалъ, чтобъ избѣгали всякой односторонности. При своемъ широкомъ кругозорѣ, онъ даже въ композиціяхъ или композиторахъ, кажущихся незначительными, замѣчалъ тотъ камушекъ, который они приносили на сооруженіе гиганта—музыки.

Въ то время Листъ окончилъ свою «Hunnenschlacht», и всѣ его симфоническія поэмы должны были выйти изъ печати. Эти сочиненія вызвали цѣлую бурю въ печати: критики нападали на необыкновенную форму, на новые обороты въ гармоніи и на пояснительныя программы. Вообще съ тѣхъ поръ, что̀ Листъ устранился изъ плеяды исполнителей, критика продолжала судить о его композиторствѣ по его, большей частью, несамостоятельнымъ работамъ, состоявшимъ въ разработкѣ извѣстныхъ и любимыхъ публикой мотивовъ, которые служили для пополненія его концертовъ (такъ какъ фортепіанная салонная литература того времени была крайне скудна) и которые остались памятникомъ его исключительной техники. Листъ же, отказавшись отъ развлекавшей и увлекавшей его жизни публичнаго піаниста, чувствовалъ свою творческую силу и хотѣлъ воздвигнуть памятникъ тому геніальному

таланту, который чувствовалъ онъ въ себѣ. При такихъ взглядахъ критика не могла на него дѣйствовать: вопреки всему, онъ продолжалъ работать и творилъ многое, о чемъ справедливѣе будетъ судить молодое поколѣніе, у котораго не будетъ предвзятаго мнѣнія. Шуманъ, котораго Листъ очень высоко чтилъ, признавалъ въ Листѣ великаго артиста, но отъ композицій его также мало ожидалъ.

Я знала, что въ Петербургѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи, мнѣ придется бороться за ту школу, изъ которой я выходила. Въ то время Петербургъ только-что начиналъ вырабатывать свое музыкальное направленіе; отдѣльныя личности самостоятельно выдвигались изъ общей массы музыкантовъ, но они образовывали еще не общество, а только кружки. Я была рада, когда окончился мой экзаменъ передъ главными учителями Петербурга: c'est le premier pas qui coûte.

20-го Янв. (1 Февр.). Въ актовой залѣ Петербургскаго Университета зимой устраивали концерты по Воскресеніямъ, утромъ. Программы этихъ концертовъ обыкновенно назначались при началѣ сезона, такъ что инспекторъ Университета, г. фонъ-Фицтумъ, руководившій этими концертами, желая дать мнѣ возможность участвовать въ нихъ, вложилъ для меня лишній номеръ въ программу концерта 20 Января (стараго стиля). Программа была слѣдующая: 1) Symphonie pastorale, Бетховена; 2) концертъ Мошелеса для фортепіано, игр. де-Сантель; 3) Marche funèbre Шопена, переложеніе для віолончели К. Шуберта; 4) Нищіе, фантазія для пѣнія, соч. Дерфельда; 5) Nocturne Шопена и Erlkönig Листа сыграла я; 6) Увертюра Оберона Вебера. Когда концертъ благополучно окончился, я была очень рада: я чувствовала, что могу бороться.

23-го Января (4 Февраля). Мы поѣхали осматривать Исаакіевскій соборъ, который по изящности отдѣльныхъ частей, какъ-то образовъ, дверей, колокольни, мнѣ очень понравился. Но внѣшній видъ неправославный.

Обѣдали мы въ семействѣ Ѳедора Ивановича Тютчева. Онъ былъ маленькаго роста, худой, лицо его блѣдное, съ тонкими чертами; полудлинные сѣдые волосы въ поэтическомъ безпорядкѣ окружали его голову; по туалету его видно было, какъ мало онъ обращаетъ на него вниманія. Походка его была походкой разсѣяннаго человѣка: онъ останавливался, прищуривая глаза по близорукости, пристально смотрѣлъ на одинъ предметъ, но при этомъ видно было, что онъ думаетъ о совсѣмъ другомъ. Его вторая жена, рожд. Пфеффель, носила на себѣ слѣды большой красоты и была кроткая, милая хозяйка. Съ нами обѣдали Анна Ѳедоровна Тютчева и поэтъ князь Вяземскій.

Анна Ѳедоровна Тютчева была безспорно умная особа и считалась одной изъ числа лицъ, близко стоявшихъ къ императрицѣ Маріи

Александровнѣ. Ея назначеніе къ высочайшему двору состоялось при содѣйствіи великой княгини Маріи Николаевны. Анна Ѳедоровна удѣляла живой интересъ всѣмъ вопросамъ, касавшимся Россіи, что̀ весьма рѣдко между дамами Петербургскаго общества; но она была неугомоннымъ врагомъ всего заграничнаго, басурманскаго, какъ она выражалась, говоря о народахъ, исповѣдающихъ иную вѣру. Хотя она бывала очень любезна и сердечна, когда хотѣла, но въ обществѣ немногіе ее любили: боялись рѣзкости ея языка. Она, понятно, принадлежала къ партіи Славянофиловъ, но вредила себѣ односторонностью сужденій о людяхъ. Измѣнить родъ человѣческій нельзя, передѣлать его въ идеальное общество немыслимо: у каждаго человѣка будутъ свои хорошія и худыя качества, тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ нравственное воспитаніе, можно сказать, находится еще у груди кормилицы. Тѣмъ болѣе снисходительна должна быть всякая личность, опередившая массу людей. Въ этомъ отношеніи Анна Ѳедоровна грѣшила своей пылкой натурой, и общество, не давая себѣ отчета, за что̀ именно, порицало ее. Она походила на своего отца, но у Ѳедора Ивановича все сказанное облекалось въ поэтическій видъ, у нея же принимало неженски-грубую форму.

30-го Января (11 Февраля). Дядя И. В. Рождественскій показывалъ намъ дворецъ великой княгини Маріи Николаевны, въ которомъ находилась извѣстная картинная галлерея герцога Лейхтенбергскаго. Внутренность дворца отличалась большимъ вкусомъ и уютностью: дворцоваго характера, пустого, скучнаго, монотоннаго и холоднаго, сопровождаемаго анфиладами залъ, здѣсь не было.

Посѣтили г-жу Мятлеву, одну изъ извѣстныхъ старыхъ дамъ Петербурга, вкусъ которой къ сырой рыбѣ всѣ знали.

17-го Февраля (1 Марта). Посѣтили утренній балетный спектакль, послѣдній передъ Великимъ Постомъ. Давали: 1) первое дѣйствіе «Пахиты», соч. Мазиліе, 2) «Дебютантку», музыка Пуни, 3) «La petite marchande de bouquets», интермедія, 4) послѣднюю картину изъ балета «Наяда и рыбакъ», музыка Пуни. Дебютантку танцовала Н. Богданова, кружившая головы многимъ любителямъ хорографіи; она танцовала очень мило, но далеко еще не достигла той высокой степени искусства, на которой стояла Ф. Элснеръ, Тальони и другія, у которыхъ механизмъ танца, доведенный до высшей степени развитія, былъ только дополненіемъ ихъ пластики, мимики, граціи и законченной игры, поглощавшей все вниманіе зрителя. Лицо, которое они представляли, развивалось передъ вами съ малѣйшими оттѣнками своего характера, представляемые моменты ихъ жизни оставляли такое впечатлѣніе, какъ бы дѣйствительно прожитые; всѣ движенія ихъ стояли на высшей сте-

пени искусства. Послѣдняя знаменитость, которую я видѣла въ Германіи, была Фанни Элснеръ: она танцовала въ роли Фенеллы, въ оперѣ Обера, и въ «Робертѣ» Мейербера, въ сценѣ на могилахъ, и въ характерныхъ національныхъ танцахъ. Посмотрѣвъ послѣ нея на нашихъ Русскихъ балеринъ, я не могла не провести сравненія между ними и Ф. Элснеръ, и должна была сказать себѣ, что разница громадна: эти были еще дѣтьми въ хорографическомъ искусствѣ. Болѣе всѣхъ напоминалъ старинныхъ хорошихъ балеринъ Гольцъ, танцовавшій также въ этотъ вечеръ; не смотря на свои почтенные годы, онъ былъ еще полонъ жизни и для мужчины танцовалъ легко и граціозно. Танцовала также г-жа Пряхунова, впослѣдствіи княгиня Гагарина, которую постигла трагическая участь быть свидѣтельницей смерти мужа и сына, утонувшихъ въ Тирольскомъ озерѣ. Интермедію «La petite marchande de bouquets» танцовала соперница Богдановой, воспитанница Муравьева, тоже мило плясавшая, но далекая еще отъ совершенства. Наяду танцовала Фанни Черито. Въ концѣ представленія публика раздѣлилась на двѣ партіи, Муравьевой и Черито; поднялся страшный крикъ, эти двѣ партіи старались перекричать одна другую. Все это мнѣ казалось такъ дико, даже обидно для артистовъ.

Вечеромъ мы отправились въ Итальянскую оперу, гдѣ шелъ «Трователь» Верди. Мастерски пѣлъ и игралъ въ этотъ вечеръ Лаблашъ. Пѣла и знаменитая Бозіо и очаровала всю публику. Въ 1858 году она, еще молодая, скончалась въ Петербургѣ, къ горю всѣхъ ея обожателей. Она простудилась въ Москвѣ, въ концертѣ во время Великаго поста: было очень холодно и, говорятъ, что открыли форточку за ея спиной, пока она пѣла. Въ Петербургъ она вернулась больной, слегла съ воспаленіемъ легкихъ и очень скоро скончалась.

Все это время проходило въ разъѣздахъ, визитахъ, упражненіяхъ на рояли Беккера, репетиціяхъ и приготовленіяхъ къ моему концерту, который былъ назначенъ къ 24 Февраля (8 Марта), въ Университетской залѣ. Принцъ Петръ Ольденбургскій удостоилъ концертъ своимъ присутствіемъ. Программа концерта была: 1) Adagio и Allegro изъ сонаты для рояли и віолончели Мендельсона, исп. Г. Шубертъ и я. 2) Дуэтъ изъ «Эрнани» Верди, исп. г-жа Лаврова (любительница) и Г. Фаціотти. 3) Венгерская рапсодія № II, Листа, играла я. 4) «Прощаніе и свиданіе» Шуберта—онъ и я. 5) Aria del Bravo Меркаданте—Г. Фаціотти. 6) Соната quasi una fantasia Бетховена, исп. я. 7) L'Addio изъ «la Traviata» Верди, исп. г-жа Лаврова. 8) Мазурка (B.) Шопена, хроматическій галопъ Листа—я. Этимъ и окончился благополучно мой концертъ. Точно съ плечъ что-то свалится, когда знаешь, что можно отправиться домой. Г-жа Лаврова, колоратурная пѣвица, которая съ большой легкостью владѣла своимъ голосомъ, имѣла

заслуженный успѣхъ. Мягкій, пѣвучій смычекъ Карла Шуберта очаровалъ всѣхъ. Шубертъ велъ въ Петербургѣ очень пріятную жизнь и получалъ около 5000 рублей жалованья. Онъ былъ очень пріятный, предупредительный человѣкъ и лично мнѣ оказалъ очень много услугъ при устройствѣ моего концерта. Было бы понятнѣе, чтобы піанисты, Гензельтъ и Лешетицкій, поддержали молодой талантъ, выступающій въ первый разъ передъ публикой и въ чужой средѣ; по крайней мѣрѣ, такъ бы поступилъ Листъ, но ничего подобнаго не было.

Въ тотъ же день появилась статья въ «Journal de S-t Pétersbourg», сообщавшая, что я буду вторично играть 10-го (22) Марта.

Я очень устала послѣ своего концерта; не игра и не самый концертъ меня утомили, а всѣ приготовленія къ нему, эти безконечные разъѣзды по Петербургу: чтобы сдѣлать нѣсколько визитовъ, ѣздишь 6—7 часовъ и бо́льшую часть этого времени проводишь въ каретѣ.

26-го Февраля (10 Марта). Моя мать и я провели вечеръ у г-жи Шоберлехнеръ, рожд. Даль-Ока (Dal'Oka). Моя мать ее знала еще до своего замужества и высоко цѣнила ея талантъ. Она была ученица знаменитой Каталани; мы только по преданію знали о ея феноменальномъ голосѣ въ три октавы и о ея колоратурѣ. Г-жѣ Шоберлехнеръ въ то время было 62 года, голоса у нея почти не было; но школа была такъ удивительна, что она спѣла мнѣ извѣстныя варіаціи Роде съ такой легкостью и съ такой гибкостью голоса, о которыхъ теперь и понятія не имѣютъ.

5-го (17) Марта. Вечеромъ, въ 9½ часовъ, великая княгиня Екатерина Михайловна пригласила меня къ себѣ играть. Въ числѣ приглашенныхъ были: князь Вяземскій, Титовъ, кн. С. П. Голицынъ, гр. Нессельроде, князь Мещерскій, баронъ Мейендорфъ съ супругою, фрейлина Штрандманъ и напугавшій меня въ дѣтствѣ графъ Фредро. Кромѣ меня, пѣли и играли еще А. Д. Кочетова, Прумъ (віолончелистъ) и Лешетицкій съ женою. Лешетицкій игралъ свою «Каскаду» и еще другую свою вещь; его нервная игра мнѣ не понравилась. Онъ былъ Австрійскій Полякъ, съ мелочнымъ характеромъ, и это чувствовалось въ его сужденіяхъ о музыкѣ. Его жена была очень умная особа, съ эгоистичнымъ характеромъ; пѣла она съ расчетомъ, а не съ чувствомъ. Она пѣла дуэты съ А. Д. Кочетовой, и онѣ такъ спѣлись, что подобнаго согласія я второй разъ не слыхала. Онѣ нѣсколько лѣтъ жили вмѣстѣ у великой княгини Елены Павловны и тамъ онѣ дошли до такого совершенства согласія голосовъ. Г-жа Лешетицкая, оставивъ дворъ в. к. Елены Павловны, первые годы своего замужества жила довольно счастливо; но впослѣдствіи Лешетицкій развелся съ нею и женился на своей ученицѣ Есиповой, а первая его жена совсѣмъ предалась учительской карьерѣ.